

*Евгению Пузыренко, моему другу,
подсказавшему этот сюжет*

Про этот случай мне рассказал мой друг. История вышла не с ним, поэтому рассказывал он по памяти. Может, что-то упустил, а может, я чего-то не услышал или не запомнил. Это неважно. Запомнилось главное: яркая и убедительная иллюстрация не слишком оригинальной мысли о бренности сущего и лишнее подтверждение того, что жизнь наша—стремительный росчерк на полотне мироздания, такой стремительный, что не всякому виден.

Впрочем, не стану забегать вперёд.

Евгению Фёдоровичу Захарову позвонил старый приятель.

— Слушай, тут одна ненормальная компания, мои бывшие коллеги, попросила организовать им поход не куда-нибудь, а на Кинзелюкский водопад. Сможешь?

— О как!— Евгений присвистнул.— У них что— личный вертолётик имеется?

— Говорю же— поход. То есть и вертолётик имеется, но решили— летят до подножия, а дальше— на своих двоих.

Захаров ещё раз присвистнул.

— Ну точно— ненормальные. ЭкстремаАлы!.. Хотя представляют, куда собираются? Я там был лет тридцать назад или больше, хорошо помню впечатления. Там по крутому склону карабкаться почти полкилометра. Места дикие, заповедные, ни малейшего намёка на тропы. Хотя интересно, конечно. И красиво...

Приятель всё это выслушал, спросил:

— Ну, берёшься? Я ж потому к тебе и обратился, что ты там был.

Захаров махнул рукой:

— Берусь. Платёжеспособны? Сдеру— мало не покажется!

— Об этом не беспокойся— сколько скажешь, столько заплатят.

Договорились в ближайшее время встретиться с группой ненормальных туристов, а Евгений Фёдорович пока восстановит в памяти— что там и как.

Уже шесть лет Захаров был на пенсии. До этого работал в бригаде монтажников, имел высший разряд по многим строительным специальностям, считался сварщиком-виртуозом. А ещё слыл интеллектуалом— и среди коллег по бригаде, и в среде друзей. Последних было не так уж много, зато располагались они в совершенно разных, порой неожиданных слоях общества. Приятель, который позвонил, при советской власти служил в КГБ, пенсию начал оформлять в ФСК, а уволился уже из ФСБ.

Репутацию интеллектуала Евгений Фёдорович заслужил благодаря своей страсти к познанию всего, особенно к познанию непознаваемого. Он много читал, неплохо знал историю, часто раскапывал в редких книгах такие исторические факты и детали, о которых знали только сами авторы этих редких книг. А в молодости у Захарова была ещё одна страсть— туризм. Самый активный член туристического клуба, он отправлялся в категорийные сплавы по горным рекам, ходил в горы, не гнушался и обычными пешеходными маршрутами. Его интересовало всё: лес в любое время года, зелёные или, наоборот, белые вершины Саян, головокружительные кульбиты горных потоков на плато Путорана... В любой компании, в любой группе он был желанным участником: никто так, как он, мастерски не умел травить байки и рассказывать истории во время короткого дневного отдыха или ночёвки.

Ему было интересно всюду. Но то, что произошло с ним тридцать два года назад, затмило все прочие впечатления и до сих пор звучало в душе щемящей, тревожной нотой, когда вспоминал. Это был поход на Кинзелюкский водопад.

Евгений Фёдорович не напрасно подивился отваге коллег своего приятеля, сотрудников службы безопасности. Кинзелюкский горный хребет, расположенный на юге Красноярского края, в высокогорной Тофаларии, считался во все времена местом труднодоступным, прежде туда добрались вообще единицы, теперь водят туристические группы, но и сегодня такие группы— штучны. Поход сложный, требующий не только навыков долгой изнурительной ходьбы под тяжёлым рюкзаком, но и хотя бы минимального опыта сплава

по горным рекам, подъёма в горы по склонам, усыпанным огромными камнями, ночёвки в палатках при самых разных метеоусловиях... ну и так далее. Достопримечательностей там много, но прежде всего манит это место своим уникальным водопадом, вторым по величине в России. Впрочем, это так считается, что он — второй, наверняка никто не знает. Только в конце 80-х годов прошлого столетия путешественникам из Украины с помощью теодолита удалось измерить его длину — она оказалась равной 328 метрам. Другой водопад, что считается самым большим в России, Тальниковый на плато Путорана, никому пока измерить не удалось: если Кинзельюкский — труднодоступен, то к Тальниковому и вовсе не добраться без членовредительства. По слухам, длина его превышает 600 метров, но кому и когда удастся это проверить, и удастся ли вообще, неизвестно.

Захаров вспоминал, как они небольшой группой в пять человек ходили на Кинзельюк тридцать два года назад. В то время даже не очень хорошие карты раздобыть было большой проблемой. Большая часть таких карт носила гриф «Секретно» или в лучшем случае ДСП, то есть «Для служебного пользования», и хранилась под замком. Выдавались они под строгую ответственность только наделённым специальными полномочиями лицам. Туристы в эту категорию не входили.

Однако какие-то карты всё же нашли, маршрут построили, группу собрали, выход зарегистрировали. Поход требовал немалых расходов, потому готовились к нему загодя: копили деньги...

Я не стану описывать ни трудности, ни красоты путешествия, случившегося у Евгения Фёдоровича три десятка лет назад. Я никогда не ходил в сложные маршруты, никогда не любовался вершинами Восточного Саяна как путешественник, не видел Кинзельюкского водопада. Мой рассказ — пересказ чужих слов, слов очевидца, и было бы нечестно самому домысливать и воображать. К тому же сегодня достоверных, документальных описаний тех мест можно найти в интернете немало. Ну и главное: мой рассказ — не об этом, не о горных и иных красотах и мужестве преодолевающих трудности. Он — совсем о другом.

Шли долго, тяжело, были и вьючные лошади, и нанятые моторные лодки, и многокилометровые пешие переходы, казавшиеся бесконечными, и мстами отчаяние — спутник усталости и следствие неутомимых атак беспощадного таёжного гнуса. И — пришли. Сначала увидели водопад снизу — он открылся неожиданно, заморозил. Защёлкали фотоаппараты, в то время ещё плёночные. Но цель была — забраться наверх, своими глазами увидеть Верхнее Кинзельюкское озеро, откуда и берёт начало водопад. Евгений Фёдорович, тогда ещё просто Женька, предупредил товарищей:

— Плёнку поберегите. Думаю, главные красоты нас ещё только ждут...

В этом походе он был руководителем, и его послушались.

Преодолев 400 с лишком метров почти отвесного склона, вышли наконец в цирк, расположенный у подножия Двуглавого пика. Вышли — и замерли. В бирюзовой воде Верхнего озера отражались вершины, на противоположном берегу к воде стремительно сбегали скальные отвесы, а зацепившись за них, на склонах лежал ледник или снежник — издалека было не разглядеть. Здесь и брал своё начало Кинзельюкский водопад, отсюда вода падала вниз и устремлялась в Нижнее Кинзельюкское озеро, дальше — по рекам Тофаларии. Дух захватывало от величия и — главное — первозданности картины. Так было здесь десятки, сотни, а то и тысячи лет назад, и осознание этого опьянило — так, что группа на несколько минут примолкла. А потом снова разом защёлкали фотоаппараты.

Женька внезапно почувствовал, как его покидает напряжение, как взамен наваливается усталость. Он повалился на траву, прижался щекой к тёплому камню. Рядом с камнем росла крошечная берёзка... Захаров вдруг понял — что в первый момент царяпнуло сознание, как только они поднялись наверх. Перепад высоты по склону составил всего немногим больше 400 метров, но здесь, в цирке, наверху был уже другой климат. Если по берегу Нижнего озера и дальше, в долинах рек, растительность таёжная, то здесь скорее похожа на альпийские луга. И вот эта берёзка — она не «подросток», как он сначала подумал, она — карликовая, такие только в высокогорье растут. Почему-то это открытие его взволновало. Он повернулся к ребятам:

— Братцы, а вы понимаете, что мы с вами сейчас на высоте 1600 метров над уровнем моря? Хотя... я не об этом. Главное — мы в другой климатической зоне, понимаете? Вот мы только что там, внизу, — он махнул рукой в сторону водопада, — были в тайге, и вот они — альпийские луга! — он обвёл вокруг рукой... и вдруг замер, глядя куда-то мимо голов.

Товарищи, кажется, не оценили его спич. Но приняли, как повод.

— Женька, по этому поводу надо бы выпить. Не каждый год на Кинзельюк ходим, всё-таки событие, — группа поддержала инициатора.

Захаров пружинисто встал, спокойно посмотрел на всех.

— Я не против, только давайте сделаем это внизу, ладно? Есть ощущение, что иначе мы со всей своей небогатой выпивкой станем кое для кого закуской, — он показал рукой вдоль берега.

В нескольких сотнях метров от них по берегу не спеша прохаживался медведь, явно держа курс на группу туристов. Даже на большом расстоянии размеры его казались внушительными.

Спускались без паники, но поспешно, подготавливаемые адреналином. Уже снизу наблюдали, как хищный абorigine подошёл к краю скалы, внимательно посмотрел вслед туристам, издал звук, который, заглушаемый шумом водопада, больше походил на мычание коровы, чем на медвежий рык, и отправился восвояси.

На обратную дорогу ушла ещё почти неделя. В Красноярск вернулись измотанные, грязные и обросшие, но счастливые на всю жизнь.

Встреча с группой энтузиастов состоялась у Евгения Фёдоровича через два дня. Они сидели в небольшом летнем кафе на берегу Енисея, пили—кто пиво, кто чай и, пока ждали главного инициатора похода, говорили о разном. Погода, футбол, пиво, качество жизни... Главный опоздал минут на пять, извинился. Участников было шестеро, Евгений Фёдорович—седьмой. Приятель тоже пришёл на встречу с коллегами, но составить компанию на водопад категорически отказался.

— Не те годы, не то здоровье,— коротко и без улыбки отрезал он.

У Захарова было довольно времени, чтобы внимательно оглядеть каждого. Все—пенсионеры, но все—на десять, а то и пятнадцать лет младше него. Что ж, из органов на пенсию уходят раньше, чем из слесарей-монтажников. Все мужики крепкие, подтянутые, спортивные по виду. Главный (они его так и звали между собой—Главный) был, судя по всему, чуть старше и прежним чином, и возрастом, и держался как старший. Он и начал разговор о деле.

— Евгений Фёдорович, перед вами группа ненормальных чекистов-пенсионеров, которым шило в известном месте не даёт сидеть дома,—он говорил бархатным баритоном, по нему явно плакала оперная сцена.—Ваш друг и наш коллега Борис уже рассказал нам о вас, пояснил—почему именно к вам обратился. Мы благодарны, что вы не отказались стать нашим проводником. В такой поход можно идти только с опытным человеком.

Захаров ответил:

— Ну, опыт мой—тридцатилетней давности, возможно, чего-то уже и не помню. А потом, вы же, как мне Боря сказал, на вертолёте туда хотите лететь?—Главный согласно кивнул.—Тогда хлопоты проводника и вовсе к нулю сводятся.

Приятель сделал круглые глаза. «Это ты вот так собираешься деньги зарабатывать?! А ещё говорил: „Сдеру—мало не покажется“. Ну, брат, ты даёшь!» Он этого не сказал, но это ясно читалось в его взгляде.

Захаров спокойно продолжал:

— Они сводятся к формальной ответственности, которую кто-то должен на себя взять. Поскольку я действительно имею некоторый опыт вожделения группы, имею разные спортивные разряды,

совершенно естественно, что я и должен выступать в этой роли. Это, собственно, и составляет основную долю оплаты моих услуг.

Главный встал:

— О деньгах я хотел поговорить чуть позже, но продолжайте.

— Хорошо, о них позже. Ещё—о роли проводника. У меня сохранились карты, которыми мы пользовались тридцать лет назад, но я понимаю, что цена им сегодня—грош. У вас наверняка есть современные и электронные, и бумажные, и Бог знает какие ещё карты, не моим чета, недаром вы те, о ком говорят: «Чекистов бывших не бывает».

Никто не улыбнулся его шутке. Он внутренне поёжился, но продолжил дальше:

— Вертолёт спокойно доставит нашу группу к подножью Кинзелюка, высадит на берегу Нижнего озера, оттуда наверх—немногим более 400 метров. Склон крутой, но не непроходимый. По моим наблюдениям, все вы в хорошей, вполне спортивной форме, и восхождение проблемы не составит. Ну вот разве что меня немного одышка помучает, но и это терпимо. Как подниматься, вы тоже наверняка уже знаете, в интернете свидетельств и подробнейших описаний полно...—Он помолчал и, обведя взглядом присутствующих, тихо и внушительно произнёс:—Господа офицеры, на фи́га я вам нужен-то?

Повисла неловкая пауза. Борис безнадежно водил пальцем по столу, не глядя на Захарова. Главный вздохнул, хотел что-то ответить—Евгений Фёдорович его опередил, подняв руку:

— Не спешите. Давайте я сам скажу. И если скажу неправильно—немедленно уйду. Но я скажу правильно. По своему опыту вожделения туристических групп я отчётливо помню: в дальних и сложных походах очень хорошо, когда в группе есть некий... назовём его—центр психологической разгрузки. Это человек, способный не впасть в уныние при любых трудностях, любых неожиданностях, способный часами травить анекдоты и истории из жизни. Это снимает агрессивное состояние, недовольство друг другом, отвлекает от неудач... Борис мне не говорил, но я предполагаю, что группа ненормальных чекистов-пенсионеров не удовольствуется и не ограничится тем, чтобы слетать на денёк-другой в заповедное место, по дороге обратно в вертолёте хлопнуть водки и вернуться. Наверняка есть в планах и другие достопримечательности, которыми просто грех пренебрегать, располагая временем и деньгами: озеро Медвежье, ледник Кусургашева... Опять же, Борис мне об этом ничего не сказал, но я предполагаю, что меня он рекомендовал как такого человека, о котором я сказал только что,—как балагура и штатного неунывайку.

Захаров снова помолчал. Чекисты ждали, переводя тревожные взгляды с него на Главного. У того

на лице не было никаких эмоций. Борис смотрел куда-то в сторону.

— Ну так вот, резюмирую. Если я изложил всё правильно, то... Григорий Павлович, — он обратился к Главному, — это вторая статья ваших расходов на моё содержание. Ну ещё немного возьму за то, что всё-таки покажу вам — на какие камни наступать можно, а на какие — не стоит.

Молчание длилось недолго. Первым захохотал своим бархатным баритоном Главный, которого звали Григорий Павлович. Грохнули и остальные. — Ну, развёл ты нас, Евгений Фёдорович! — отсмеявшись, сказал Главный. — Прямо профессионально развёл! Артист!

— Это была презентация, — сказал Захаров, и все снова засмеялись.

— Мне твоя презентация сейчас новых седых волос стоила, — укоризненно произнёс Борис. — Ну, думаю, сделал друзьям подарочек! Чуть со стыда не сгорел. Гад ты, Женька. И всегда таким был. За то и люблю!

Через несколько дней арендованный вертолёт доставил группу к подножию Кинзельюкского хребта. Прилететь за туристами он должен был через неделю. Связь условилась держать по радиции — сотовые операторы в такой глуши не работали. Базовый лагерь разбили на берегу Нижнего Кинзельюкского озера. Полюбовались на водопад снизу, символически выпили, обозначив начало приключения, и завалились спать до утра. 500 километров в воздухе, в шумном вертолёте к особой активности в этот вечер не располагали.

Евгений Фёдорович, которого группа безоговорочно признала своим руководителем, поднял всех на рассвете. Это не составило труда: чекисты, даже отставные, не привыкли баловать себя лишним сном. В лагере оставили всё, что не понадобится при восхождении, — разорить лагерь никому, разве что мишка придёт... Понадеялись, что этого не случится. Ещё перед вылетом, в Красноярске, когда определяли список необходимого снаряжения, Захаров предупредил: оружие взять необходимо, зверь здесь может оказаться — он рассказал о медведе, которого они видели на водопаде тридцать лет назад, — но стрелять только в воздух, пугать, и уж в самом крайнем случае — на поражение. — Мы не на охоту едем, Евгений Фёдорович, за это можешь не переживать, — заверил Главный.

К Верхнему озеру поднялись без особых проблем. Захаров с удовольствием открыл, что очень хорошо помнит маршрут, по которому они поднимались когда-то впервые, что маршрут этот практически остался неизменным, новых камней не насыпало, разве что самую малость, и кустарник гуще не стал. Вышли наверх — и он не смог сдержать восторга. Всё та же бирюза озера, те же сбегающие к воде скальные отвесы, и ледник или

снежник — он остался прежним, даже контур не поменялся. Он молчал, чтобы не выдать волнения. Остальные члены группы восхищались бурно.

— Григорий Павлович, может, отсалютуем? — предложил кто-то.

Захаров тревожно посмотрел на Главного. Тот успокаивающе покачал головой:

— Ну что вы, зачем? Здесь так хорошо, так тихо, а вы — из ружья палить...

Евгений Фёдорович благодарно улыбнулся ему — и завалился на траву. Обнял тёплый камень, прижался к нему щекой... и увидел рядом карликовую берёзку. Захаров задохнулся. «Господи! Да ведь это — тот самый камень, та самая берёзка!» Он встал на колени, потянулся к берёзке... и вдруг его пронзила мысль. «Как?! Как это может быть?! Прошло тридцать два года! Я постарел, я уже шесть лет получаю пенсию — и никто не знает, сколько мне ещё осталось получать, но вряд ли долго. За то время, что я здесь был, я успел трижды жениться, родил двоих детей, нянчу внука, у меня умерло столько друзей, что всех и не сразу вспомню... А эта берёзка — она за эти три десятка лет подросла сантиметров на десять-двенадцать. Как?! Господи... Кто же мы перед этим ледником или снежником, что за тридцать лет не только не растаял — даже очертаний не поменял, кто мы перед этой берёзкой? Кто мы — перед вечностью?!»

Он, кажется, бормотал уже почти вслух, и его состояние не осталось незамеченным. Главный подошёл к нему, встревоженно наклонился:

— Евгений Фёдорович, тебе помочь? Тебе нехорошо? Сердце, может?

Захаров встал.

— Нет-нет, всё хорошо... Старую приятельницу встретил, представляешь? — он кивнул на берёзку, хотел рассказать — и почувствовал: не может. Не сейчас. Махнул рукой: — Я потом расскажу, ладно? Вы тут пока погуляйте вдоль озера, пофотографируйте, я здесь побуду. Только не разбредайтесь — мало ли что... Спуск через час.

...Вечером у костра обменивались впечатлениями, достав заветные фляжки. В группе нашёлся один прирождённый кулинар, из говяжьей тушёнки умудрился сочинить мясо в кисло-сладком соусе по-еврейски. Наконец, трапеза закончилась, водка и коньяк разогнали кровь. Главный обратился к Захарову:

— Евгений Фёдорович, может, расскажешь историю, как обещал?

Тот отложил ложку, протянул кружку на разлив: — Как говорил известный персонаж народного писателя, прошу плеснуть. — Подождал, пока кружка вернётся. — Ну, слушайте.

Слушали не перебивая, только изредка подбрасывали дров в костёр и подливали спиртного. —...И вот, понимаете, сегодня я снова встретил ту же берёзку — а она не изменилась! Я за время,

прошедшее с первой нашей встречи, постарел, поседел, заработал гипертонию, получил кучу грамот, объехал полсвета, сменил трёх жён... а она в росте прибавила всего сантиметров десять! Я на участке у себя сосну посадил лет пятнадцать назад—так она пол-участка заняла уже и дальше растёт. А эта—десять сантиметров...

— Чему же удивляться, Евгений Фёдорович?—осторожно спросил кто-то.— Она же—карликовая...

— Карликовая...—повторил Захаров и усмехнулся.— Нет, братцы, это мы, это наша жизнь—карликовая. Жизнь наша проходит, кончится скоро, а у неё ещё столько впереди...—И повторил, теперь уже вслух:— Кто мы перед этой берёзкой, перед ледником этим? Кто мы—перед вечностью?..

— И перед Ним,—тихо закончил Главный.

Захаров замолчал, уставился в костёр. Один из чекистов протянул разочарованно:

— Ну вот... А говорили—«балагур»...

Главный посмотрел на него осуждающе:

— Такая история целого представления стоит.

Захаров услышал, встряхнулся.

— Ничего, я вас ещё повеселю. Будет ещё время. Плесни-ка!

И он повеселил, и было время. Всё вышло, как намечали, всё закончилось благополучно и счастливо. Туристы вернулись домой тем же вертолётom, тепло распрощались с Евгением Фёдоровичем.

О них он помнил недолго. А та берёзка долго сидела в памяти, да и теперь ещё сидит, хотя прошло уже почти пять лет. И моему другу эту историю Евгений Фёдорович Захаров поведал совсем недавно.

— И понял я: жизнь наша—стремительный росчерк на полотне мироздания,—так теперь заканчивал он свой рассказ.— Такой стремительный, что не всякий и разглядит.